

На колхозной СТРОЙКЕ

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:
на мес. 1 р. 20 к., на 3 мес. 3 р. 60 к.,
на 6 мес. 7 р. 20 к., на год 14 р. 40 к.
ПОДПИСКУ ПРИНИМАЮТ
ПОЧТА И ПИСЬМОНОСЦЫ
ТАРИФ ОБЪЯВЛЕНИЙ
отрока полита позади текста—75к.
Адрес редакции
Лихославль, дом РК ВКП(б)

24

августа 1936 г.

№ 184 (1114)

Орган РК ВКП(б) и РИК
Лихославльского района, Калининской обл.
Выходит 24 раза в месяц

Состояние стлищ

А К Т

Районной комиссии по наблюдению за стлищами.

21 АВГУСТА 1936 ГОДА

Мы, члены районной комиссии по контролю за стлищами в составе председателя комиссии Большакова, членов комиссии Лебедева, Смирнова, Майорова на основании постановления Бюро Калининского Обкома ВКП(б) и президиума Облисполкома от 17 августа 1936 года провели обследование состояния льна на стлищах в колхозах Кавского, Звягинского, Вышковского, Первтинского и других сельсоветов и установили, что разостланный лен до 5 августа имеет полную отлежку и через день, самое большое через два дня, то-есть 23—24 августа будет готов к под'ему.

Проверкой также установлено, что в большинстве колхозов, в которых производилась проверка состояния льна на стлищах, контроля за стлищами со стороны бригадиров и председателей колхозов не было. Так, например, в колхозе „Шасси-амо“, Звягинского сельсовета допущено преступное отношение ко льну. Околоченный лен с площади около 4 гектар в этом колхозе лежит на стлище в снопах уже в течение 6—7 дней, гниет. Кроме того, около 6 га такого-же льна лежит около риги в кучах 5—6 дней, он промачивался дождем и тоже подвергался гниению. Председатель колхоза Смирнов своим безобразным отношением ко льну довел лен до порчи, чем снижено его качество.

В колхозе „Путь Октября“, Кавского сельсовета лен раннего расстила совершенно готов к под'ему, а председатель колхоза Коновалов его поднимать не собирается и отказался перед членами комиссии организовать контроль за стлищами, чем нарушил указания Райисполкома.

Хорошо поставлена работа по контролю за стлищами в колхозах „Путь к социализму“, „Красное Лукино“, Звягинского сельсовета, там в каждой бригаде бригадирами проводится ежедневная проверка стлищ льна и колхоз „Красное Лукино“ уже поднял 10 га нормально отлежавшего льна.

Комиссия считает, что лен расстила до 5 августа должен быть колхозами поднят немедленно, вслед за ним колхозам следует приступить к под'ему тресты расстила после 5 августа, предварительно разработать образцы „пытки“. За стлищами в каждом колхозе следует установить строжайший контроль, возложив ответственность лично на бригадира и предколхозов.

Бригадиры обязаны проводить контроль за стлищами не менее 1 раза в день, а за льном, близким к отлежке, не менее 2-х раз в день (утром и вечером).

Просить президиум Райисполкома председателя колхоза „Шасси-амо“ т. Смирнова привлечь к ответственности за допущение гниения льна в кучах и на стлищах и наложить взыскания на председателя колхоза „Путь Октября“ Ковалева за отсутствие и отказ от организации контроля за стлищами.

Райкомиссия: Большаков, Лебедев
А. Смирнов, Майоров

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Бюро Лихославльского РК ВКП(б), президиума Райисполкома и Бюро РК ВЛКСМ от 23 августа 1936 г.

В связи с тем, что решение Обкома партии и Облисполкома от 7 августа о важнейших сельскохозяйственных работах несмотря на истечение установленных сроков не выполнено по многим сельсоветам и колхозам района, и угрозой срыва озимого сева и уборки яровых, а также недопустимо медленным ходом зернопоставок и заготовок клеверных семян, бюро РК ВКП(б), президиум РИК'а и бюро РК ВЛКСМ постановляют:

1. Направить в отстающие сельсоветы и колхозы 65 человек партийно-комсомольского актива сроком на 5 дней для выполнения решения Обкома и Облисполкома от 7 августа.

2. Обязать партотделов первичных парторганизаций, председателей сельсоветов и колхозов, а также посылаемый парт-комсомольский актив к 26 августа закончить озимой сев, жнитво и уборку с поля всех яровых, засыпку семфондов льносемян и к 1 сентября вытирание и сдачу полностью клеверных семян, а также зернопоставок.

3. Возложить на райпарт. и комсомольский актив, а также специалистов—агрономов, сортировщиков льнозавода и „Заготльна“ контроль за своевременным под'емом льна со стлищ, не допуская ни в коем случае перележки льна.

Секретарь РК ВКП(б) Ильичев

Председатель РИК'а Самгин

Зам. секретаря РК ВЛКСМ Гурьев

Процесс троцкистско-зиновьевского террористического центра

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ САФОНОВОЙ

Суд переходит к допросу вызванной по ходатайству прокурора свидетеля Сафоновой.

Сафонова показывает, что она являлась членом троцкистского центра и принимала активное участие в работе этого центра. Далее она говорит, что И. Н. Смирнов информировал в 1931 г. центр троцкистской организации в лице Тер-Ваганяна, Мрачковского и ее, Сафоновой, о полученной им в Берлине через Седова установке на переход к террористическим методом борьбы. И. Н. Смирнов, передавая эту установку, подчеркнул, что она исходит от Троцкого. „На этом же совещании, — показывает далее Сафонова, — нам было сообщено Смирновым, что центром принято решение о переходе к террору и о совершении в первую очередь террористического акта над Сталиным. В 1932 году Смирновым была получена директива Троцкого, которую привез Гавен. Эта директива являлась прямым подтверждением ранее полученной Смирновым, переданной через Седова директивы Троцкого о терроре. Об этой директиве нас также информировал И. Н. Смирнов. Эта директива являлась не только подтверждением указаний, переданных через Седова, но она одновременно являлась указанием на необходимость форсировать террористический акт против Сталина“.

Сафонова приводит еще один факт, характеризующий отношение И. Н. Смирнова к террору. „Однажды, — рассказывает она, — Мрачковский, вернувшись с приема у Сталина, рассказывал нам о своей беседе со Сталиным. При этом присутствовали я и И. Н. Смирнов. Мрачковский, рассказывая нам о беседе со Сталиным, увязывал ее с перспективами нашей дальнейшей борьбы и заявил, что ели итвенный выход — это убить Сталина. И. Н. Смирнов активно поддержал этот вывод Мрачковского“.

„Перед моим отъездом в декабре 1932 года на строительство Амуро-Байкальской дороги, — продолжает свои показания Сафонова, — я имела беседу со Смирновым о дальнейшей работе организации в связи с принятым решением о терроре. И. Н. Смирнов в категорической форме подтвердил мне, что Сталина надо убить, что Сталин будет убит“.

В связи с тем, что показания Сафоновой окончательно изобличают Смирнова, тов. Вышинский вносит исьность в отношении Смирнова с Сафоновой, причем Смирнов показывает, что Сафонова — его жена и что у него с ней нет личных счетов.

Всеми показаниями обвиняемых и свидетелей Смирнов целиком изобличается, как один из главных руководителей террора против руководителей партии и советского правительства, который он осуществлял по прямым указаниям Троцкого.

На этом утреннее заседание заканчивается.

Вечернее заседание 20 августа

Допрос подсудимого Смирнова И. Н.

Большую часть вечернего заседания Военной Коллегии Верховного суда 20 августа занял допрос подсудимого Смирнова И. Н. Смирнов—один из лидеров троцкистской организации со времени ее образования. Ближайший друг Троцкого, фактический организатор и руководитель троцкистского контрреволюционного подполья в СССР, лично поддерживавший связь с Троцким и троцкистскими организациями за границей.

Заместитель Троцкого в Советском Союзе, — как его определяют обвиняемые, — руководитель троцкистского центра, Смирнов упорно продолжает проводить свою тактику лжи и вилания. Он долго пытается отрицать и смазать свое непосредственное участие в террористической деятельности. Лишь под напором неопровержимых улик, разоблаченный фактами, прижатый обвинением, он вынужден нехотя признаваться в своих преступлениях.

В мае 1931 года Смирнов ездил за границу в служебную командировку. В Берлине он дважды встречался с сыном и агентом Троцкого—Седовым, получил у него два адреса для переписки и условился о пароле для посылки агентов. Седов говорил Смирнову о необходимости изменить старые формы борьбы с партией и о своевременности перехода к террористическим методам борьбы. Смирнов изображает эту установку, как личное суждение Седова, с которым он, Смирнов, якобы не согласился.

Это утверждение, однако, опровергается показаниями обвиняемого Мрачковского, которому Смирнов сообщил, что в Берлине связывался через Седова с Троцким, от которого и исходили указания о терроре.

Мрачковский, отвечая на вопросы прокурора, объясняет далее, что содержание беседы Смирнова с Седовым он понял не как простое сообщение, а как директиву Троцкого, который предлагал перейти к другому методу борьбы—к методу более острому, т. е. террору. Что это была директива Троцкого, а не „личное суждение“ Седова, устанавливается показаниями Мрачковского и Смирнова о том, что Седов не был для них авторитетом.

Подсудимый Смирнов пытается утверждать сначала, что в 1931 и в 1932 гг. Троцкий тоже не был для него авторитетом. Однако здесь же он изобличается во лжи и признает, что в 1932 г. он получал через Юрия Гавена директивы от Троцкого о необходимости перехода к террору против руководителей партии и правительства. Эти директивы он принял к исполнению и передал в центр. Он пытается свести свою роль к простой передаче

(Окончание на 2-й странице)

Грозный голос великого советского народа

Великий советский народ возмущен чудовищными замыслами контрреволюционных банд троцкистов-зиновьевцев. Его грозный голос требует уничтожения бандитов, врагов партии, врагов народа; врагов революции. Все трудящиеся нашего района на митингах, собраниях, в беседах как о д и и, требуют расстрела презренным бандитам, сообщникам фашистов.

РАССТРЕЛЯТЬ ВСЕХ БАНДИТОВ!

Я уже старик, мне 60 лет, 40 лет я жил при царе, и 20 лет живу при Советской власти. Жить мне как и всему народу стало теперь лучше, радостней, свободней! Враги хотели отнять от нас эту жизнь, они хотели, убив руководителей нашей страны, змеей приползти к руководству. Но враги разоблачены, они стоят перед судом, их планы провалились.

Свой голос я присоединяю к могучему и гневному требованию всего народа, требующего уничтожения всех без исключения подлых врагов народа. Расстрелять надо всех бандитов до последнего.

Орлов.

Колхозник колхоза им. Политотдела, Чашковского сельсовета.

Процесс троцкистско-зиновьевского террористического центра

Окончание

в центр директив Троцкого, он пытается отвести от себя ответственность за работу центра. Наконец пытается утверждать, что центра вовсе не было. На вопрос прокурора обвиняемым Мрачковскому, Зиновьеву, Евдокимову и Бакаеву, — существовал ли центр, все четверо отвечают утвердительно.

Вышинский: Как же вы, Смирнов, позволяете себе утверждать, что центра не было?

Смирнов пытается снова вилить, ссылаясь на отсутствие заседаний центра, но показаниями Зиновьева, Тер-Ваганяна и Мрачковского он снова изобличается во лжи.

Дальнейший допрос Смирнова подтверждает получение и передачу обвиняемым дополнительных директив Троцкого о терроре, полученных через Гавена в 1932 году.

Эта директива содержала прямое указание о необходимости перехода на путь террористической борьбы против руководства партии.

Обвиняемый упорно изворачивается, пытается отрицать свою роль руководителя троцкистской организации. Из опроса других обвиняемых выясняется, что переговоры о блоке с зиновьевцами Тер-Ваганян вел по прямому поручению Смирнова, что Мрачковский вел подготовку террористических групп по прямому поручению Смирнова. Выясняется, что вплоть до своего ареста Смирнов осуществлял личную связь с Троцким. Под давлением этих и других неопровержимых фактов Смирнов в конце концов признает, что именно он был главой троцкистской организации в СССР. Из показаний подсудимых выясняется, что создание блока было результатом непосредственных переговоров Смирнова с Зиновьевым, Каменевым с Тер-Ваганяном и Мрачковского с Евдокимовым, при чем переговоры об организации блока велись на основе первой директивы о терроре, приведенной Смирновым от Троцкого через Седова в 1931 г.

Прокурор выясняет связи Смирнова с Троцким. Смирнов вначале отрицает свою связь с Троцким и несколько раз повтояет, что у него были лишь два адреса.

Отрицая личную связь с Троцким, Смирнов признает, наконец, что у него была почтовая связь с сыном Троцкого, что он сам писал письма Троцкому и получил от него ответ, который привез Гавен.

Вышинский: Это связь или нет?

Смирнов: Связь.

Вышинский: Значит была связь?

Смирнов: Была.

Также устанавливаются и другие неопровержимые факты. Тер-Ваганян, Мрачковский, Зиновьев и Евдокимов заявляют о разговорах, которые велись со Смирновым в 1931 году, о заданиях, которые он давал в этот период о подготовке террористов. Смирнов и это отрицает.

Вышинский (обращается к Мрачковскому): Мрачковский, давал вам Смирнов директивы?

Мрачковский: Да, директивы были даны в начале 1931 года по приезде его из-за границы.

Вышинский: Что он вам сказал?

Мрачковский: Что надо приступить к подбору людей, которых мы хорошо знаем, что задача ставится перед нами серьезная, что надо отобрать людей волевых. Он говорил это у себя на квартире.

Вышинский: Подсудимый Зиновьев, вы говорили, что Смирнов с вами неоднократно беседовал о терроре, о необходимости форсировать террористические акты?

Зиновьев: Правильно.

Вышинский: Значит то, что говорит Мрачковский о террористической группе, соответствует действительности?

Зиновьев: Да.

Вышинский: Подсудимый Смирнов, считаете ли вы, что Тер-Ваганян, Мрачковский, Евдокимов говорят неправду?

Смирнов (молчит)

Вышинский: Что же вы признаете?

Смирнов: Я признаю, что участвовал в подпольной троцкистской организации, вошел в блок, вошел в центр этого блока, что я виделся с Седовым в Берлине в 1931 г., выслушал его мнение о терроре, которое передал затем в Москву. Признаю, что от Гавена я получил директиву Троцкого о терроре и передал ее, не будучи с ней согласен, через Ваганяна зиновьевцам.

Вышинский: И, не будучи согласен, ставались членом блока и в блоке работали?

Смирнов: Формально из блока я не вышел, фактически не работал.

Вышинский: Значит, когда вы передавали директиву, вы не вели работу?

Смирнов: (молчит).

Вышинский: Как по вашему, когда организатор передает директиву — это работа?

Смирнов: Конечно.

Вышинский: Вы были участником блока?

Смирнов: Да.

Вышинский: И признаете, что блок стоял на позиции террора?

Смирнов: Да.

Вышинский: Вы признаете также, что он стоял на этих позициях в связи с получением директивы от Троцкого?

Смирнов: Да.

Вышинский: И эту директиву получили вы?

Смирнов: Да.

Вышинский: Следовательно, вы поставили блок на позицию террора?

Смирнов: Я передал директиву о терроре.

Вышинский: Если вы подтверждаете, что блок после получения директивы Троцкого стоял на позиции террора, то надо сказать, что блок стал на позицию террора после директивы, которую вы получили от Троцкого и передали членам блока?

Смирнов: Я получил эту директиву, сообщил ее троцкистам и зиновьевцам, они создали центр. Я, не будучи согласен, формально не выходил из блока, но фактически не был членом блока.

Вышинский: Тер-Ваганян, вышел Смирнов из блока?

Тер-Ваганян: Нет.

Вышинский: Мрачковский, вышел Смирнов из блока?

Мрачковский: Нет.

Вышинский: Дрейцер, вам известно, что Смирнов вышел из блока?

Дрейцер: Если поручение организовывать террористические группы есть выход из блока, тогда — да.

Вышинский: Евдокимов, вы слышали о том, что Смирнов вышел из блока?

Евдокимов: Нет, как раз наоборот, он оставался членом центра и активно в нем работал.

Вышинский: Разделял террористические взгляды?

Евдокимов: Да, разделял.

Вышинский: Обвиняемый Каменев, что вы знаете об уходе Смирнова из блока?

Каменев: Я подтверждаю, что Смирнов все время состоял в блоке.

Вышинский: Обвиняемый Смирнов, круг сошелся.

Допрос подсудимого Ольберга

Суд переходит к допросу подсудимого Ольберга.

Ольберг В. П. — активный участник троцкистской организации. Был эмиссаром Троцкого за границей.

По поручению Л. Троцкого в 1933 году был переброшен в Советский Союз по фальшивому паспорту для организации убийства тов. Сталина.

Связавшись в СССР с подпольной троцкистской организацией, практически приступил к подготовке покушения на тов. Сталина и тов. Жданова.

Во время допроса Ольберг показывает, что его связь с Троцким и сыном Троцкого Седовым началась с 1930 года.

Ольберг переходит к изложению событий, предшествовавших его первой поездке в Советский Союз.

Ольберг заявляет: „Первые о моей поездке Седов заговорил со мной после обращения Троцкого, связанного с ишением Троцкого гражданства СССР. В этом обращении Троцкий развивал мысль о необходимости убить Сталина. Мысль эта была выражена следующими словами: „Необходимо убрать Сталина“.

Тогда же Седов сделал Ольбергу предложение отправиться в СССР.

„Возникла трудность с паспортом, — рассказывает Ольберг. — Я не имел определенного подданства и уже по одному этому не мог получить никакой визы. Вскоре, однако, мне удалось уладить это, и с получением паспорта на имя Фрейдигмана я выехал в СССР.

Еще до моего отъезда в Советский Союз я собирался поехать вместе с Седовым в Копенгаген к Троцкому. Наша поездка не удалась, в Копенгаген отправилась жена Седова, Сюзанна, и, вернувшись оттуда, привезла письмо Троцкого, адресованное Седову, в котором Троцкий соглашался с моей поездкой в СССР и высказывал надежду, что мне удастся осуществить возложенную на меня миссию. Это письмо показал мне Седов.

Ольберг далее показывает, что для получения паспорта он воспользовался услугами Фридмана, берлинского троцкиста, бывшего одновременно агентом германской полиции.

Вышинский: Связь германских троцкистов с германской полицией — это была система?

Ольберг: Да, это была система и это было сделано с согласия Троцкого.

Вышинский: Откуда вам известно, что это было с ведома и согласия Троцкого?

Ольберг: Одна из этих линий связи была лично моя. Моя связь была организована с санкции Троцкого.

Вышинский: Ваша личная связь с кем?

Ольберг: С фашистской тайной полицией.

Вышинский: Значит, можно сказать, что вы сами признаете связь с Гестапо?

Ольберг: Я этого не отрицаю. В 1933 году началась организованная система связи немецких троцкистов с немецкой фашистской полицией.

Далее подсудимый Ольберг переходит к изложению обстоятельств и фактов, относящихся непосредственно к его поездкам в СССР для производства террористического акта против товарища Сталина. В Советский Союз он выезжал для этой цели трижды.

В первый раз Ольберг выехал в СССР в конце марта 1933 года по фальшивому паспорту. Потерпев неудачу в организации террористического акта, Ольберг вынужден был возвратиться за границу. Он уехал в Прагу, откуда

снесся с Седовым, и тот подбодрил его, обещав снабдить его лучшим паспортом.

Тем временем Ольбергу самому удалось получить паспорт в Праге. Там проживал его младший брат Пауль Ольберг, связанный с агентом германской тайной полиции в Праге Тукалевским, через которого Ольберг и получил новый документ. Паспорт от полицейского агента Тукалевского Ольберг получил с одобрения Седова после того, как этот последний получил санкцию Троцкого.

Паспорт Ольберг получил через Тукалевского и через некоего Бенда от приехавшего в то время в Прагу генерального консула республики Гондурас в Берлине — Лукас Парадес.

Ольберг: Он продал мне паспорт за 13 тысяч чехословацких крон. Эти деньги я получил от Седова.

Вышинский: Вы имели какое-нибудь отношение к республике Гондурас?

Ольберг: Нет, никогда.

Вышинский: Позвольте пред'явить: этот ли паспорт (Комендант суда пред'являет паспорт).

Ольберг: Да, этот. Он действительно был выдан настоящим консулом от имени республики Гондурас.

Пробыв короткое время в Минске, Ольберг отправился в Горький, связался с троцкистами Елиным и Федотовым, через последнего получил работу в Горьковском педагогическом институте, где и оставался до дня ареста. Здесь в Горьком и выработывался план покушения на товарища Сталина.

Вышинский: Когда у вас был с Седовым разговор о том, что нельзя допускать компроматами троцкистской организации?

Ольберг: Это было во вторую мою поездку. Он говорил, что если я буду арестован органами государственной безопасности СССР, то я ни в коем случае не должен говорить, что этот террористический акт выполняется по поручению Троцкого, и во всяком случае должен стараться скрыть роль Троцкого.

Вышинский: На кого же рекомендовал он вам свалить организацию террористического акта?

Ольберг: На белоохранителей, на Гестапо.

После этой части допроса прокурор резюмирует:

Вышинский: Следовательно можно так сказать: вы, Валентин Ольберг, будучи связанны с Троцким через его сына Седова, были по непосредственному поручению Троцкого через Седова направлены в СССР в качестве агента Троцкого для подготовки и совершения террористического акта против тов. Сталина?

Ольберг: Да.

Вышинский: Для успешности проведения этой работы вы были связаны через своего брата с германской полицией?

Ольберг: Да, это так.

* * *

Далее 20 августа на утреннем и вечернем заседаниях 21 августа суд допрашивал подсудимых Берман-Юрица, Гольцмана, Н. Лурье, М. Лурье, Тер-Ваганяна, Фрица-Давида (Круглянского).

По окончании допроса подсудимых, председатель суда тов. Ульрих объявляет судебное следствие законченным.

22 августа судебное заседание открылось в 11 ч. 30 мин. речью государственного обвинителя, прокурора СССР тов. А. Вышинского.

Заявление прокурора Союза ССР тов. Вышинского

На вечернем заседании 21 августа после допроса подсудимых прокурор Союза ССР тов. Вышинский сделал следующее заявление:

„На предыдущих заседаниях некоторые обвиняемые (Каменев, Зиновьев и Рейнгольд) в своих показаниях указывали на Томского, Бухарина, Рыкова, Угланова, Радека, Пятакова, Серебрякова и Сокольников, как на лиц, причастных в той или иной степени к их преступной контрреволюционной деятельности, за которую обвиняемые по настоящему делу и привлечены сейчас к ответственности. Я считаю необходимым доложить суду, что мною вчера сделано распоряжение о начале расследования этих заявлений обвиняемых в отношении Томского, Рыкова, Бухарина, Угланова, Радека и Пятакова, и в зависимости от результата этого расследования будет Прокуратурой дан законный ход этому делу. Что касается Серебрякова и Сокольников, то уже сейчас имеющиеся в распоряжении следственных органов данные свидетельствуют о том, что эти лица изобличаются в контрреволюционных преступлениях, в связи с чем Сокольников и Серебряков привлекаются к уголовной ответственности“.

Отв. редактор М. Г. ЮЖАКОВ